

В отличие от прежних поездок, обычно полных шумного оживления, сейчас в салоне такси царило глубокое молчание. И Цзун Жуй, и Юнь Ваншу безмолвствовали.

Цзун Жуй изо всех сил старался не давать воли тревоге и не расспрашивать спутника, однако взгляд его то и дело возвращался к инкубационному контейнеру.

«Пусть эта дорога тянется как можно дольше, — думал он. — Ещё медленнее, ещё тише...»

«Лишь бы уберечь Юнь Ваншу. Пусть тот опасный, холодный и бесконечно одинокий мир останется далеко позади. Как можно дальше»

Но вопреки его тайным желаниям, ровно через час машина плавно затормозила у ворот особняка.

Водитель бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида. Пассажир вроде бы не спал, но почему-то не спешил выходить, хотя машина стояла без движения уже добрых полминуты.

— Уважаемый, приехали, — наконец подал голос таксист.

Цзун Жуй шумно выдохнул.

— Да, благодарю.

Собрав дорожные вещи, уставший и покрытый пылью долгих странствий, он подошёл к дверям дома господ Шэня и Ланя и нажал на кнопку звонка.

Дверь, как и следовало ожидать, отворил дворецкий Цзинь. Проводив гостя в приёмную, он бесшумно удалился.

Однако обстановка в гостиной на сей раз отличалась от привычной. Помимо господина Шэня и господина Ланя, Цзун Жуй неожиданно столкнулся с третьим присутствующим.

Это был молодой человек лет двадцати семи на вид, едва ли младше самого Цзун Жуя. Его бледное лицо хранило печать глубокой, затаённой меланхолии. С той самой секунды, как Цзун Жуй переступил порог, незнакомец буравил его тяжёлым, немигающим взглядом.

Цзун Жуй сперва замешкался, но быстро совладал с собой.

— Вы... — вырвалось у него.

— Цзян Кай, — глухо представился тот.

Цзун Жуй мысленно кивнул — пазл сложился.

Сы Юй, конечно, ни разу не упоминал этого человека, однако господин Лань наткнулся на эти данные, когда взламывал базу Системы. Делиться подробностями Лань тогда не стал, но имя вскользь упомянул.

Присмотревшись внимательнее, Цзун Жуй понял, почему гость казался странным. Силуэт Цзян Кая, на первый взгляд вполне отчётливый, при детальном рассмотрении слегка двоился. Он сидел на стуле, но сквозь его плечи просвечивали контуры стоящего позади книжного шкафа.

Неудивительно — перед ним находился лишь бесплотный дух.

— Рад знакомству, господин Цзян, — вежливо произнёс Цзун Жуй.

Опустив тяжёлый рюкзак на пол, он расстегнул замок на нагрудной сумке, собираясь достать инкубационный контейнер.

Раньше эта мысль как-то не приходила ему в голову, но при виде Цзян Кая сердце сладко заняло от предвкушения: неужели совсем скоро он точно так же сможет воочию увидеть Юнь Ваншу?

«Признаться честно, я жду этого с замиранием сердца...»

Цзун Жуй понимал, что пронесёт образ этого юноши через всю оставшуюся жизнь. Но память — хрупкая штука; если зацепиться лишь за имя, со временем оно поблекнет и превратится в пустой звук. Совсем другое дело — знать его лицо.

— Передайте его мне, — мягко прервал его размышления господин Лань.

Цзун Жуй кивнул и протянул ему прозрачный бокс.

«Даже не представляю, как они собираются меня отсюда "доставать", — раздался в мыслях Цзун Жуя тихий, взволнованный голос Юнь Ваншу. — Если честно, мне немного не по себе»

Цзун Жуй ободряюще улыбнулся.

— Всё будет хорошо. Господин Цзян пострадал куда сильнее тебя, но видишь — он уже может сидеть в кресле. У тебя всё пройдёт ещё легче.

«Ох... Твоя правда. Постараюсь не паниковать»

Если во время прошлых процедур по восстановлению души хозяева дома не стеснялись Цзун Жуя и спокойно добавляли питательную эссенцию прямо при нём, то сейчас, забрав контейнер, господин Лань и господин Шэнь сразу вышли из комнаты.

Цзун Жуй доверял им безраздельно, поэтому никаких подозрений у него не возникло. Но внутри поселилось странное, щемящее чувство. Наверное, это была их первая разлука за долгие месяцы?

Когда привыкаешь делить каждый вздох с кем-то ещё, его внезапное отсутствие ощущается почти физически — как острая, колющая пустота.

Постаравшись унять внутреннее беспокойство, Цзун Жуй устроился поудобнее. В этот момент бледный молодой человек, сидевший напротив, повернул к нему голову.

Цзун Жуй отвлёкся на свои мысли и не сразу почувствовал этот взгляд, пока незнакомец тихо не произнёс:

— Господин Цзун.

Цзун Жуй удивлённо посмотрел на него.

Их взгляды встретились, и на бледном лице Цзян Кая промелькнуло подобие слабой, усталой улыбки, слегка разогнавшей его вечную мрачность.

— Господин Шэнь и господин Лань сказали, что моя душа почти восстановилась и я могу уходить, — негромко заговорил Цзян Кай. — Но перед тем как исчезнуть навсегда, я очень хотел поговорить с вами.

— Слушаю вас.

— Если Фан Юй — ну, то есть Сы Юй — когда-нибудь снова появится на вашем пороге и начнёт умолять вернуться... не верьте ему, — отчеканил Цзян Кай, и в его голосе прорезались жёсткие нотки. — Он не достоин ни единой вашей слезы.

Цзун Жуй опешил.

О том, что Сы Юй — дешёвка, не заслуживающая внимания, Цзун Жуй знал и сам. Но с чего вдруг покойный любовник заговорил об этом именно сейчас?

Заметив недоумение собеседника, Цзян Кай судорожно сцепил пальцы перед собой. Он явно колебался, подбирая нужные слова, прежде чем продолжить.

— Ни с вами, господин Цзун, ни со мной, ни со вторым своим ухажёром он никогда не был честен. В его жизни не было ни крупицы искренности. Всё ложь. От первого до последнего слова.

— Системные задания тут ни при чём. Он использовал нас ради собственного развлечения, тешил своё самолюбие. А мы... мы ради него пожертвовали всем, даже жизнями...

Парень замолчал, пытаясь совладать с нахлынувшими эмоциями.

Было очевидно: Цзян Кай искал не просто возможности предостеречь товарища по несчастью, ему жизненно необходимо было выговориться перед тем, как окончательно уйти за грань.

Чужие драмы с бывшим возлюбленным мало трогали Цзун Жуя, но, глядя на измученный, полупрозрачный силуэт юноши, он смягчился.

— Рассказывайте, я слушаю.

Во взгляде Цзян Кая промелькнула робкая благодарность.

— До недавнего времени я искренне верил, будто сам во всём виной, — глухо произнёс он. — Думал, что навязался ему, силой привязал к себе, проигнорировав его чувства. Поэтому, когда он решил избавиться от меня с помощью Системы, я посчитал это справедливым возмездием. Заслужил, туда мне и дорога.

— Но господа Шэнь и Лань открыли мне глаза. Перед вашим приходом они дали мне прослушать записи из архивных логов Системы. Оказывается, он вовсе не терпел меня из жалости. Он с самого начала был обеими руками за. С первого дня нашего знакомства!

— Господин Цзун, мне ведь тогда едва исполнилось четырнадцать. В семье случилась трагедия, родители отвернулись от меня, вышвырнули на улицу как ненужный хлам. Я замерзал на тротуаре, не зная, доживу ли до утра...

— Именно тогда Фан Юй подобрал меня. Приютил, кормил, обещал оплатить учёбу в школе и университете. Моя благодарность не знала границ. Он сам едва сводил концы с концами, но делился последним. Мне казалось это верхом благородства и самоотверженности.

— У меня тогда была сломана рука, и он вызвался помогать мне мыться.

Цзян Кай умолк, уставившись в одну точку пустым взглядом.

— В моей памяти те дни стёрлись, остались лишь светлые, тёплые воспоминания. Но база данных Системы бережно сохранила каждую секунду. Пока я задышался от слёз благодарности

и думал, как отплатить ему за доброту, он хладнокровно обсуждал меня со своим системным помощником. И вас, кстати, тоже.

— Он разливался в признаниях, как сильно скучает по вам, и одновременно с этим вытворял с четырнадцатилетним мальчишкой...

— Тунтун, — раздался из динамиков весёлый, звенящий от восторга голос Сы Юя, перемежающийся шумом льющейся в душе воды. — Мой Кайкай просто чудо! Ему всего четырнадцать, а у него уже кубики на прессе прорисовались! В одежде-то и не заметно было.

— Я его сейчас за бок ущипнул, а он даже не сообразил ничего, растяпа!

— Хотя зачем таиться? Я же его мою, в конце концов! Так, где тут мочалка... Ага, нашёл. Кайкай, подставляй спинку, я иду!

— Интересно, если бы Жуй-гэ об этом узнал, он бы приревновал? Да ладно, Кайкай же ещё совсем ребёнок, глупости какие.

— Б-брат Фан Юй, — следом зазвучал тихий, смущённый детский голосок самого Цзян Кая, то и дело срывающийся на заикание. — Спасибо, я дальше сам справлюсь...

— Глупости, — мягко возразил Фан Юй на записи. — У тебя рука сломана, как ты мыться собрался? Давай помогу, не стесняйся.

Но стоило ему переключить канал связи на Систему, как тон мгновенно менялся на сладострастный шёпот:

— Тунтун, он такая лапочка, я не могу! Ого, у него даже грудные мышцы наметились. Конечно, до моего Жуй-гэ ему ещё расти и расти, но упругий какой, тактильный восторг!

Динамик зашипел, пропуская очередную порцию грязи.

И подобных откровений в логах хранились сотни.

Вся та забота, тепло и нежность, которые несчастный сирота принимал за чистую монету, для Сы Юя были лишь циничным способом скрасить серые будни.

Он приютил сироту лишь ради выполнения системной миссии. А ухаживал за ним из соображений банальной скуки: «Жизнь тут тоскливая, почему бы не побаловать себя приятным бонусом?»

Чтобы не вызывать подозрений у окружающих, Сы Юй продолжал числиться на прежней работе своего реципиента. Сам он в этой сфере ничего не смыслил, но Система без труда выполняла за него все профессиональные обязанности.

От самого Сы Юя требовалось лишь одно — разыгрывать роль спасителя для маленького Цзян Кая.

Четырнадцатилетний подросток стал центром его маленькой вселенной. Сы Юй ничуть не тяготился этим обществом — в конце концов, он рисковал собой ради спасения собственной шкуры и жизни любимого мужчины. К тому же Цзян Кай рос поразительно красивым мальчиком, полностью соответствуя вкусам Сы Юя, который никогда не скрывал своей гомосексуальности.

«Жаль только, совсем зелёный ещё», — то и дело сетовал он Системе.

Но юный возраст подопечного служил и своеобразным барьером. Сы Юй не раз заговорщически шептал Системе:

— Тунтун, ну приоткрой завесу тайны! Мои будущие цели тоже окажутся такими же милашками, как Кайкай? Мне нужно подготовиться морально, а то ведь не сдержусь и наделаю глупостей.

Вся эта череда бесконечных «вынужденных» уступок: сначала совместное мытьё из-за гипса, затем совместные ванны ради «экономии коммунальных услуг», ночёвки в одной постели из-за «тесноты в квартире» и случайные прикосновения в полумраке кухни — разумеется, всё это не считалось переходом черты. Чистая случайность, продиктованная бедностью и нуждой.

— Тунтун, — картинно возмущался он во время очередной записи. — Ну выдели нам жильё побольше! Я сегодня проснулся, на автомате прижался к нему со спины, думал — мой Жуй-гэ рядом лежит. Чуть дров не наломал! Хотя... хе-хе, растёт Кайкай не по дням, а по часам, загляденье просто.

Юного Цзян Кая пугала и смущала эта навязчивая, удушливая ласка.

Система, разумеется, отклонила запрос на расширение жилплощади, но Сы Юй и не подумал рассказать об этом мальчику.

Подросток видел лишь то, как тяжело его благодетель работает с утра до ночи, стараясь прокормить их обоих. Сердце мальчика сжималось от чувства вины: он казался себе неблагодарным эгоистом, доставляющим названому брату столько хлопот.

И всё же он не мог совладать с собственным телом. Каждое прикосновение в тесной комнатухе заставляло его цепенеть, а близость горячего чужого дыхания разгоняла пульс до

предела.

Что это за наваждение? Одиноким, растерянным подросток потратил месяцы на бесплодные размышления, пока наконец не набрёл на единственный логичный ответ.

«Должно быть, я просто полюбил его...»

Но что чувствовал к нему сам Фан Юй?

Душный летний вечер. Мальчик сидел в своей застиранной до белизны школьной форме под мерный, заунывный скрип старого потолочного вентилятора. Фан Юй вошёл тихо, неся тарелку со спелыми ломтиками яблок. Опустив угощение на стол, он как бы невзначай провёл ладонью по обнажённому предплечью подростка, очерчивая пальцами крепкие молодые мышцы.

Этого мимолётного жеста оказалось достаточно. Губы мальчика тронула счастливая улыбка, глаза лихорадочно заблестели.

«Брат Фан Юй тоже меня любит! — ликовал он про себя. — Точно любит!»

Это была любовь — чистая, жертвенная, не допускающая иных толкований.

Прошли годы. И однажды на горизонте Фан Юя появился богатый, влиятельный покровитель, готовый бросить к его ногам весь мир.

К тому моменту настоящие родственники Цзян Кая из влиятельного клана Цзян уже вышли на его след и умоляли вернуться в семью. Но юноша наотрез отказался от роскоши. Он верил, что в целом свете есть лишь один человек, искренне желающий ему добра.

В день своего восемнадцатилетия Цзян Кай летел домой как на крыльях, предвкушая тихий праздничный вечер. Но, распахнув дверь, он застал своего «возлюбленного» весело воркующим с холёным незнакомцем.

Ревность и страх потери лишили его рассудка. Рыдая от отчаяния, Цзян Кай рухнул на колени, мёртвой хваткой вцепился в Сы Юя и сквозь истерические рыдания умолял не бросать его.

В памяти Цзян Кая тот день запечатлелся горькими слезами Сы Юя — тот долго плакал, обнимая его в ответ, а последующие недели ходил чернее тучи, словно скорбя о разрушенном счастье.

Сгорая от раскаяния за свою вспышку, Цзян Кай двое суток простоял на коленях перед закрытой дверью его спальни. В конце концов Сы Юй смиростивился: тяжело вздохнув, он велел ему подняться.

В ту секунду Цзян Кай поклялся посвятить остаток дней искуплению своей вины перед этим святым человеком. И когда много лет спустя Сы Юй хладнокровно подписал ему смертный приговор через Систему, Цзян Кай принял гибель безропотно, посчитав это платой за прошлые грехи.

Если бы он только знал, что скрывалось за теми слезами...

— Слушай, Тунтун, а я и не замечал раньше, до чего Кайкай хорош собой, если смотреть на него сверху вниз, — раздался циничный голос Сы Юя на архивной записи.

— Ой, погоди-ка... Кажется, в самый патетичный момент я забыл пустить слезу? Ну надо же так сглупить!

— Запиши там себе, напомнишь мне завтра и послезавтра ходить с постной миной, чтобы он поверил... Эх, хотя мне и правда тоскливо. Мой любимый Жуй-гэ ждёт меня в реальном мире, а я тут время теряю.

— Ну да ладно, я ведь прохожу эти дурацкие миссии ради нашего общего спасения. Мой ненаглядный Жуй-гэ ведь поймёт меня и простит, правда?

<http://bllate.org/book/18254/1753753>